

© Е. Глориозова

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ВОКРУГ ФУТБОЛЬНОЙ СБОРНОЙ РОССИИ

Ключевые слова: Россия, национальная футбольная сборная, футбольные клубы, болельщики, конструирование идентичности, политизация

Статья основана на серии полуформализованных интервью автора с фанатами московских клубов “Спартак”, “Динамо”, “Торпедо” и ЦСКА, записанных в 2014 г. На примере конкретного вопроса об отношении к национальной футбольной сборной в ней рассматривается процесс конструирования отношения к политике и его выражение в российской околоспортивной среде. Автор анализирует, каким образом поддержка национальной сборной может стать опорой для патриотических чувств, а также как отношение к сборной формирует критический политический дискурс.

DOI: 10.7868/S0869541518020045

Футбольные фанаты в современной России: среда, где происходит политизация?

С начала 1990-х годов в России можно было наблюдать шествия и сборища, служившие поводом для выражения националистических чувств футбольных фанатов. Однако в эти же годы на трибунах стадионов спорадически возникали различные формы протеста: против действий полиции, против отдельных внешнеполитических событий или против руководства футбольных клубов. В то время как в Европе этот феномен идет на спад, на российских футбольных аренах можно встретить риторику и символику, близкие идеологии крайне правых. В декабре 2010 г. демонстрация, инициированная футбольными фанатами на Манежной площади в Москве в знак протеста против убийства спартаковского болельщика молодым уроженцем Северного Кавказа, сопровождалась насильственными действиями ксенофобского характера, за которыми последовали массовые беспорядки, вылившиеся в столкновения с полицией¹. События на Манежной стали потрясением для российского общества и заставили задуматься о связи фанатов с политикой.

Работы, посвященные футбольным болельщикам в Западной Европе (во Франции, Италии, Великобритании, Германии...), показали, что футбольный фанатизм² может быть частью процесса политизации. Изучая проявления различных идей, убеждений и политических доктрин в рамках фанатского движения, социологи спорта в первую очередь описывают его как плодотворную почву для зарождения политического радикализма (как правого, так и левого толка). Среди причин этого они называют, с одной стороны, привлекательность для футбольных фанатов требований, организационных моделей и методов экстремистских группировок (см.: *Mignon* 1998; *Hourcade* 2000).

Екатерина Глориозова | <http://orcid.org/0000-0003-1129-4756> | eglorioz@ulb.ac.be | докторант | Центр политических исследований. Свободный университет Брюсселя (Бельгия) (44, avenue Jeanne, 1050, Bruxelles, Belgique, CEVIPOL)

Этнографическое обозрение. 2018. № 2. С. 44–57 |

© Российская академия наук | © ФГУП “Издательство Наука” ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | <http://journal.iea.ras.ru>

С другой стороны – группы фанатов могут быть целевой аудиторией некоторых радикальных политических партий или течений, ищущих на стадионах сторонников, которых им не удастся завоевать в общественных дебатах. Внедряясь в фанатскую среду, радикалы политизируют ее (см.: *Hourcade* 2000). В то же время разные авторы по-разному оценивают реальную восприимчивость болельщиков к политическим идеям, которые они выражают. Если одни приходят к выводу об искренности их убеждений (см.: *Balestri et al.* 2002), то другие показывают, что выражение тех или иных политических взглядов носит у них провокационный характер и выполняет функции дискредитации соперника (см.: *Bromberger* 1995), выделения на фоне других фанатских группировок и конструирования идентичности (см.: *Bodin et al.* 2008; *Hourcade* 2000). Кроме того, футбольный фанатизм рассматривается как катализатор общественного напряжения. Этот эффект связан с мощной символической и идентитарной нагрузкой, свойственной спортивному состязанию. В советском политическом контексте “боление” за определенный футбольный клуб становилось способом выразить символический протест против авторитарной власти (*Edelman* 2002). Наконец, поддержка футбольной сборной описывается также как идеальная почва для конструирования и укрепления национальной идентичности, поскольку спортивное соперничество накладывается на межэтнические трения (*Bodin et al.* 2008).

Применительно к России вопрос о политизации футбольных болельщиков изучен мало. Редкие работы по этой теме концентрируются на особенностях фанатской субкультуры (*Илле* 1999) или на связанных с нею проявлениях насилия (*Мамедов, Деккер* 2006). Некоторые исследования правого политического экстремизма в России описывают фанатскую среду как особенно подверженную влиянию крайне правой идеологии (*Шнирельман* 2010; *Козлов и др.* 2009). Однако в этих работах политизация болельщиков служит лишь иллюстрацией общей тенденции роста радикализации групп, близких к ультраправым.

Помимо наиболее радикальных и потому особенно часто попадающих в поле зрения форм политизации нам будут интересны ее обыденные проявления, которые могут возникать в сфере футбола, понимаемого как вид досуга. Такой подход подсказан, в частности, работами Д.-К. Мартэна, описывающего культурные практики³ как одно из основных мест конструирования общественных политических представлений. Действительно, по мнению этого автора, в культурных феноменах особенно заметны символические процессы, опосредующие отношения индивида с окружающим миром:

...символы объединяют, придают жизни смысл, преобразуют ее, а иногда заставляют мечтать об иной жизни; они всегда предлагают выбор, а иногда открывают новые альтернативы. Эти символы, носителями которых выступают произведения искусства или коллективные мероприятия, делают более явными общественные представления (*Martin* 2001: 217).

Таким образом, культурные практики и объекты формируют общественные представления, поставляя “темы” и “символические коды”, вокруг которых выстраиваются в т.ч. представления о силе и власти. Эти “темы” – такие, например, как жизнь и смерть, пространство и территория, идентичность и отличие, а также иерархии, неравенство – насыщают собой политический язык и делают возможным выражение мнений и позиций (Там же: 130–131). Что же до “символических кодов”, то они, передаваемые внутри каждой социальной группы, позволяют индивиду “упорядочивать свои представления, определять ситуации, идентифицировать объекты и характеризовать людей, с которыми они сталкиваются и по отношению к которым должны занять определенную позицию, а в случае необходимости – действовать” (Там же: 132). Тем не менее это не означает, что мы имеем дело с ясно выраженным или твердо отстаиваемым политическим выбором и даже с определенным отношением к политической власти, что предполагает узкое определение политизации. В стремлении идентифицировать конкретный момент, когда

происходит связка между сферами культуры и политики, Д.-К. Мартэн включает в процесс политизации то, что предшествует формированию политической позиции и политическим действиям, а именно такие коллективные представления, которые

...реконструируют мир, наделяя его символическими смыслами, и способствуют интерпретации его устройства; <...> включают в себя общие этические принципы, дающие ориентиры для оценки деятельности сильных мира сего; <...> возбуждают эмоции, символизируют коллективные идентичности и чувство принадлежности к группе и тем самым представляют собой потенциальный ресурс мобилизации (Там же).

Сказанное отсылает также к определениям политизации, предложенным Д. Гакси (*Gaxie* 2002) и К. Амиди, обращающих особое внимание на «промежуточный этап между индивидуальной социализацией и выработкой собственно политических предпочтений: такие представления о мире и об “инструментах для наведения в нем порядка”, которые можно отнести к политизации в расширительном понимании этого слова» (*Hamidi* 2006: 12).

Кроме того, мы используем метод для выявления политизации, предложенный С. Дюшен и Ф. Эгель в статье “Интервью в неблагополучном квартале, или как начинаются разговоры о политике”. Их определение политизации, близкое к предложенному изначально Ж. Лека (*Leca* 1971), описывает последнюю как переход к коммуникативной ситуации, где присутствуют два процесса: определенный уровень обобщения высказывания (выводящий его за рамки рассказа о единичном случае) и признание наличия принципиального раскола в обществе по обсуждаемому вопросу (отсылка к системе оппозиций) (*Duchesne, Haegel* 2001).

В этой статье мы рассмотрим конструирование и выражение отношения к политике в российской околоспортивной сфере на примере конкретного вопроса об отношении к национальной футбольной сборной. Мы проанализируем, каким образом национальная сборная становится темой, вокруг которой выстраиваются и выражаются общественные политические представления. Для этого мы прибегнем к качественному методу, основываясь на полужформализованных интервью с фанатами московских футбольных клубов, записанными в период с апреля по август 2014 г.⁴ Были опрошены приверженцы “Спартак”, “Динамо”, ЦСКА и “Торпедо” разного социального статуса и возраста (от 19 до 50 лет). Несколько интервью с фанатами старше 50 лет позволили нам получить представление об отношении к национальной сборной в советский период⁵. Выбор пал на клубных фанатов, поскольку они интересуются футболом и их высказывания касаются футбольной сферы, которую и планировалось изучить. Мы предпочли их организованным фанатам национальной сборной, чтобы иметь возможность включить в наш анализ также высказывания, выражающие негативное отношение к ней и объясняющие отказ ее поддерживать.

Итак, сначала рассмотрим, каким образом поддержка национальной футбольной команды может стать опорой для патриотических чувств. Затем обратимся к вопросу о том, как отношение к сборной формирует критический политический дискурс.

Поддержка национальной сборной как вектор патриотических чувств

Несмотря на многообразие и сложность патриотических чувств и позиций в современной России, в целом наблюдается патриотический консенсус между политической элитой и населением страны. Ф. Досэ, М. Ларуэль, А. Ле Уэру и К. Руссле так сформулировали суть этого консенсуса, установившегося после прихода к власти В.В. Путина в 2000 г.:

Тема национального возрождения выкристаллизовалась, в частности, в повышение ценности патриотизма. Были приняты государственные программы, призванные способствовать прославлению родины, ее величия и ее особого пути. Среди населения

патриотизм, зачастую негативно воспринимавшийся в 1990-е гг., отныне не вызывает сомнений (*Daucé et al.* 2006: 5).

Ярлык “патриотический”, ставший “почти неизбежным” (Там же: 6), используется для обозначения самых разных проявлений любви к родине, что способствует размыванию контуров самого объекта (Там же). Итак, мы попытаемся проследить эти проявления на примере футбола.

Национальная сборная как воплощение государства: формы патриотической привязанности. В большинстве случаев поддержка национальной сборной влечет за собой процесс символической идентификации с объектом, который она воплощает: чаще всего с государством или нацией⁶. Э. Хобсбаум, часто цитируемый по этому поводу, отмечает, что среди всех символов, имеющих это предназначение, национальная сборная оказывается наиболее эффективным, в частности, благодаря

...легкости, с которой наименее политизированные и наименее интегрированные в общественную жизнь могут идентифицировать себя с нацией, которую символизируют молодые люди, добившиеся высоких достижений в сфере, в которой почти все мужчины хотят, или хотели когда-то в своей жизни, преуспеть. Воображаемое сообщество, состоящее из миллионов людей, кажется более реальным, когда оно сокращается до 11 человек, которых знают по имени. Отдельный человек, даже если он всего лишь подбадривает команду криком, сам становится символом своей нации (*Hobsbawm* 2001: 264).

Отсылки к этому процессу воплощения часто возникали в речи опрошенных болельщиков. Вот один из примеров: “Для меня нет там игроков, допустим, Аршавин или кто-нибудь другой. Это сборная моей страны – и все, это некие абстрактные бегают люди – и все. Для меня главное, что это сборная, которая представляет мою страну, условно говоря, выигрывает” (интервью: Вадим, апрель 2014).

Ни один болельщик, поддерживающий национальную сборную, не ограничился чисто футбольными аргументами, все говорили о привязанности к “стране”, “государству” или территории: “Для меня сборная представляет мою землю, если так пафосно говорить, там, где я живу, значит, люди, которые за нее играют, должны здесь родиться, скажем так, ну или приехать маленькими сюда” (Вадим).

Повторяющееся использование притяжательных местоимений указывает на идентификацию болельщиков с воплощаемым сборной объектом, иногда также обозначаемым местоимением “мы”. Слово “патриотизм” часто всплывает в разговорах о поддержке национальной команды. Для Михаила особое значение имеет само название: “Если бы эта сборная называлась ЦСКА или Зенит, я бы радовался, когда она проигрывает. Но так как ее название – сборная России, а я являюсь великодержавным шовинистом, то все-таки неприятно, скажем так” (интервью: Михаил, апрель 2014 г.).

Патриотическое чувство оказывается более важным, чем спортивные показатели, поскольку натурализация легионеров вызывает неприятие, даже если они помогают команде выигрывать. Некоторые понимают патриотизм (и, следовательно, поддержку национальной сборной) как долг, обязанность, которые надлежит исполнять, пусть и без большого энтузиазма, и которые противопоставляются любви или страстному чувству, вызываемому “своим” клубом. Говоря об отношении к национальной сборной, некоторые упоминают другие важные символы, такие как гимн или флаг⁷: “Для меня это все важно: и флаг, и гимн, и победы. На той же Олимпиаде – приятно, когда гимн исполняется после победы, когда флаг поднимается” (Вадим).

Если патриотические чувства и поддержка действующей власти не связываются напрямую в речи опрошенных болельщиков, то применительно к советской эпохе дело обстоит иначе⁸. Несколько наших собеседников соотносят понятие патриотизма в СССР с поддержкой режима. Так, Григорий, фанат московского “Торпедо” с более чем тридцатилетним стажем, вспоминает с иронией, как его рвение проиллюстрировать свои

патриотические чувства к Советскому Союзу в конце 1980-х годов не всегда встречало понимание у властей:

Вопрос: Как относились к сборной клубные болельщики?

Ответ: Нормально. В Советском Союзе фанаты, они были патриотами. Ну, там, были перегибы советского времени, представляешь, там, запрещали приносить советские флаги на стадион, говорили, что флаг, он должен висеть на стене! И были такие моменты, когда ты размахиваешь флагом, подходили милиционеры и забирали. Меня лично забирали за то, что я размахивал советским флагом за советскую сборную. Я говорил: “Ну это же патриотизм!”. “Нет, флаг – это святое, они дома должны висеть, на зданиях, а вы хулиганы там!” То есть перегибы тоже были, но в общей массе фанаты были патриотами. <...> То есть был такой патриотизм и, скажем, поддержка государственности. Фанаты были воспитаны именно на патриотическом ноте. Советские власти, они не могли понять, они думали, что это, наоборот, антигосударственное, а тут, наоборот, выросло поколение... на идеалах советского времени (интервью: Григорий, апрель 2014).

Отношение к национальной сборной позволяет также изучить мотивы патриотической привязанности, чаще всего связанной с чувством гордости.

Мотивы гордости: содержание патриотической привязанности. Среди упомянутых мотивов гордости первым делом следует отметить отсылки к российской истории:

Вопрос: Каково было Ваше отношение к сборной в советское время?

Ответ: Это моя страна, я горд был за нее, я вообще маленьким считал, что мы настолько великие, что все наши команды во всех соревнованиях первые места занимают, а остальные – там как получится. Это такой вот детский максимализм. Потом, когда я вырос, я понимал, что не всегда так, к сожалению огромному. Я горд своей страной. Да, у нас много плохого, но такой истории как у нас... вряд ли кто может <...> У нас великая история и, надеюсь, великое будущее.

Вопрос: Значит, сборную...

Ответ: Да, я не могу ее отделять от истории страны (Михаил).

Часто в разговорах упоминается Великая Отечественная война и роль, которую сыграла в победе над фашизмом Советская Армия. Встречаются также отсылки к Российской империи, причем подчеркивается ее мощь по сравнению с другими государствами. Речи о поддержке национальной сборной ведут также к оправданию действий России на Украине, со ссылками на восстановление статуса великой державы.

Другой мотив для гордости, оправдывающий поддержку национальной сборной, – это “аутентичность” России, которая вместе с Восточной Европой противопоставляется странам Западной Европы, якобы утратившим свою национальную идентичность:

Все эти скандалы, многомиллионные контракты с тренерами, футбол перестал быть самобытным, он превратился в какой-то фарс. <...> Поэтому мне интересна Восточная Европа, потому что там сохранилась самобытность. Я не люблю Западную Европу, потому что там ничего нет, все одинаково, в одном месте просто стоит Эйфелева башня, а в другом стоит Колизей. Но это настолько стало все одинаковое, бургер, может быть, здесь вкуснее, чем в Макдональдсе, но быть бургером он от этого не перестанет. В Европе, там какой-то национальной идентичности нет... населено какими-то другими людьми... (интервью: Василий, август 2014).

Дискурс о национальной сборной позволяет также понять, как воспринимается распад СССР. Некоторые более старшие по возрасту болельщики не делают различия между сборной СССР и появившейся после 1991 г. сборной России, что свидетельствует об ощущении преемственности между СССР и РФ. Эта преемственность часто основывается на чувстве гордости за прошлое и настоящее России. Но иногда речь идет просто

о констатации невозможности что-то изменить, как у Вадима, активно болеющего за национальную сборную более 30 лет:

Вопрос: В советское время вы болели за сборную Советского Союза?

Отвечает: Да. У меня даже какие-то программки остались, я и значки собираю. Для меня это такое единое целое – национальная сборная Советского Союза и России, это неразделяемые какие-то вещи. <...> Я не разделяю Советский Союз и Россию, была одна страна, теперь другая, ну что поделать? (Вадим)

Другие болельщики, напротив, ощущают разрыв между двумя периодами. Так, Владимир не болеет за национальную сборную со времени распада СССР, объясняя это слабостью российского государства в сравнении с Советским Союзом:

После советского времени я потерял интерес. Я не чувствую, что эта команда представляет... Но вообще-то как-то после падения Советского Союза некоторое произошло размытие понятия государства, страны, особенно у тех, кто еще родился в советское время и понимает, каким бывает серьезное государство, отношение к российскому государству и к российской сборной, оно такое немножко... непонятное (интервью: Владимир, сентябрь 2014).

Для Сергея, наоборот, распад СССР стал поводом для выражения привязанности к новому российскому государству, о чем он вспоминает с большим энтузиазмом: “Когда только красный флаг ушел и появился наш триколор, то я тут на каждый матч ходил, когда играли где-то в регионах, ох вы что! Татуировку хотел себе сделать, только не такой, а имперский флаг – черно-желто-белый” (интервью: Сергей, апрель 2014).

Наконец, в тех случаях, когда речь идет о чувстве национальной гордости, победа сборной страны ожидаемо способствует его усилению, тогда как поражение переживается достаточно болезненно и часто воспринимается как “унизительное”.

Политика на службе спорта. Переживаемый прежде всего как страстное увлечение футбол вызывает у любителей мяча целую гамму самых разнообразных эмоций, главной движущей силой которых является ожидание удовольствия от спортивного зрелища (см.: *Elias, Dunning* 1986). Радость предвкушения усиливается возбуждением и напряжением, связанными с всегда неизвестным результатом матча. Неудивительно, что многие опрошенные болельщики говорили об удовольствии и эмоциях (“приятные моменты”, “круто”, “очень понравилось”, “переживаем всем сердцем”, “я был очень огорчен”, “мне было грустно”, “это было очень неприятно”, “очень больно”).

Напряжение тем сильнее, чем выше ставки в игре. На их значимость влияют чисто спортивные (например, во время таких крупных событий, как кубок мира или чемпионат Европы) причины, к которым, однако, могут подмешиваться и другие, делающие победу одной из команд особенно желаемой (например, когда нужно взять реванш).

Примером обращения к политике для повышения интереса к футбольному матчу может служить случай Василия (29 лет), активного фаната московского “Спартака”, который лишь эпизодически болеет за национальную команду. Василий рассказывает, что одним из поводов для поддержки сборной был для него чемпионат Европы 2010 г., совместно организованный Польшей и Украиной:

Чемпионат в Польше–Украине, я туда поехал, поехал за сборную, потому что это круто, большое соревнование во враждебной стране, вообще-то я очень люблю поляков, мы с ними очень хорошо общаемся, что касается футбола, но это всегда перемешано с политикой, потому что всегда какой-нибудь дурачок наденет на себя футболку “СССР”, хотя понимает, что в Польше это не очень круто. Причем, скорее всего, наденет тот дурачок, который футболку с себя снимет и побежит, если на него пойдет кто-то из поляков. Люди, которые серьезно относятся к футболу, не будут троллить вот так других болельщиков. ...нет, был один раз тролль, на матче “Спарта”–“Спартак” в Чехии, были большие беспорядки там, как раз один из фанатов поднял флаг, там

был танк нарисован и по-чешски было написано “мы вернулись”, возвращаясь к 68-му году, когда туда вошли советские танки. В общем, да, в Польшу было круто съездить, мне понравилось (интервью: Василий, август 2014).

Эта цитата позволяет говорить о том, что эффективность спорта как фактора политизации относительна. Подобно “крупным соревнованиям”, игра “во вражеской стране” повышает градус удовольствия, добавляет “крутизны”. Сам Василий отчетливо дистанцируется от этого определения, признаваясь, что “в жизни” не испытывает враждебных чувств к полякам. Описанная ситуация может быть маркирована как “связанная с политикой”, в то же время она оборачивается издевкой: болельщики, использующие политические лозунги на футболе, характеризуются респондентом как трусливые и недалекие провокаторы. В этом примере “серьезное” лежит в сфере футбола, тогда как политика дискредитируется как всего лишь троллинг, средство вывести противника из равновесия. Второй пример с развернутым на трибуне в Чехии баннером, изображающим советский танк, также показывает, что футбол, усиливая политическую напряженность, “скорее, использует ее в своих интересах, чем обслуживает ее” (*Bromberger* 2001: 244).

Подобным же образом Василий рассуждает о своем отношении к Украине:

Отношение к сборной — так, очень прагматичное, если это надо — я поеду. Я не считаю первостепенным за нее идти болеть. Если я знаю, что сборная играет с какой-нибудь командой принципиальной, например, с Украиной. Я очень хорошо отношусь к украинцам. Но в футболе — это очень большое противостояние.

Я очень сильно переживаю за ситуацию, которая сейчас складывается, потому что это два народа, которые начинают гнобить друг друга. Я никогда вообще не хотел этого. С точки зрения моей гражданской позиции, я считаю, что это ужасно. Но, с точки зрения футбола, мы всегда друг друга ненавидели. Со времен “Динамо Киев” противостояние Россия—Украина можно как угодно оклеветать. Но я все равно считаю, что это братский народ. Футбол — это как “Спартак”—ЦСКА, это такие же русские хорошие парни, но во время матча мы будем враги (Василий).

В этом фрагменте вновь отчетливо выражено различие между восприятием ситуации “с точки зрения футбола”, где “мы ненавидим друг друга”, и “с точки зрения гражданина”, осознающего “ужас” ситуации. Это различие подчеркивается многократным употреблением противопоставления “но”. Заявляя: “я никогда вообще не хотел этого”, Василий занимает оборонительную позицию, как если бы футбольное соперничество, подогреваемое политическими противоречиями, могло считаться отчасти ответственным за нынешнюю ситуацию. Спортивная вражда оказывается менее значимой, чем единство, подчеркиваемое характеристикой украинцев как “братского народа”.

Таким образом, в данном случае мы видим, что обращение к политическим темам не ведет напрямую к политизации сознания, поскольку противостояние, выражающееся на трибунах, не влияет на политические взгляды болельщиков за рамками футбольной сферы. Тем не менее оно ведет к более четкому осознанию политических проблем, заставляет занять собственную позицию по отношению к ним, характеризовать определенным образом действующих лиц (“братский народ”, “такие же русские хорошие парни”) и даже задуматься о собственной ответственности за такое использование политики. В этом смысле речь идет именно о процессе политизации, т.е. о формировании определенных политических представлений.

Отношение к национальной сборной как платформа для критики

Отказ от поддержки национальной сборной, или патриотизм наизнанку. Если патриотические чувства часто проявляются в связи с футболом, последний может служить также поводом для демонстрации неприятия патриотизма и для насмешки над ним.

В качестве примера приведем рассказ Дмитрия (51 год), яркого фаната московского “Динамо” с детских лет. Выше мы говорили о важности флага и гимна для болельщиков национальной сборной. В советские годы наряду с болельщиками, демонстрировавшими свой патриотизм, были и такие, как Дмитрий, которые во время матча отвергали эти символы – например, бойкотировали гимн СССР, исполнявшийся перед началом каждой встречи:

Вопрос: Когда мы были на футболе с О., он не встал при национальном гимне. Он сказал: “Д. и я никогда не вставали в советское время”. Почему вы не вставали?

Ответ: Это у нас был протест.

Вопрос: Против чего?

Ответ: Политический протест. Мы договаривались, что мы не встаем. Но если ты не встаешь, к тебе сразу бежала со всех сторон милиция, и тебя забирали. Поэтому я не буду там хвастаться, что мы какие-то герои. Когда я видел, что к нам уже бегут, я толкал О. локтем в бок, типа, давай привстанем, и мы делали вид, что мы привстаем. Еще одну придумали штуку, когда они прибежали, я, типа, говорил, что вот этот человек сломал себе ногу и не может встать, это не потому что он против советского гимна. Много таких случаев было, да. Для всех динамовских болельщиков была идея не вставать при гимне. Ни спартачи, ни армейцы, ни торпедовцы, у них даже такого не возникало, у них весь стадион встает и встает. А у нас почему-то было такое. Мне однажды такая мысль в голову пришла: что будет, если мы не встанем? “Ты что, не уважаешь гимн?” – спросил у меня милиционер, который подбежал, когда я сидел. Я говорю: “А причем здесь мое уважение? Я хочу – встаю, не хочу – не встаю”. Он говорит: “Нет, ты что, не уважаешь гимн?”. Это провокация такая, если ты скажешь “да, не уважаю”, – тебя забирают, и это уже статья. А я отвечаю: “Я уважаю гимн, но у меня болит живот!” ...если мы бы говорили, что мы не уважаем гимн, нас бы из института выгнали, и ни о какой работе не могло даже быть и речи. Надо сказать, что не все оставались сидеть, когда играл гимн. Первые лица все равно вставали и все эти пионеры.

Если для Сергея патриотизм был выражением поддержки режима, то у Дмитрия антипатриотизм становится выражением “политического протеста”, как сам он обозначил это в своей речи. Этот протест выражался не напрямую, а в игровой форме, с помощью притворства (“мы договаривались”, “мы делали вид”, “еще одну придумали штуку”, “я не буду хвастаться, что мы какие-то герои”). Несоответствие между серьезностью и торжественностью национального гимна и обыденностью отговорок, придуманных болельщиками, чтобы не вставать (“он ногу сломал”, “у меня болит живот”), создает комический эффект и еще более подчеркивает абсурдность ситуации.

Хотя Дмитрий и отказывается считать себя героем, ему все же не чужда идея некоторой своей исключительности: так, он дважды упоминает о том, что очень немногие вели себя таким же образом и что такое поведение было характерно только для болельщиков его клуба. Тем самым он подчеркивает свое превосходство по отношению к приверженцам других московских клубов (ЦСКА, “Спартак”, “Торпедо”), но в то же время противопоставляет себя “первым лицам”, т.е. советской элите, и “всем этим пионерам”. Поскольку Дмитрий, как абсолютное большинство советских подростков, сам был пионером, можно предположить, что это выражение используется им, скорее, как метафора, обозначая всех тех, кто готов подчиниться государственным структурам и правилам.

К национальной сборной Дмитрий относится очень плохо. В его высказываниях содержится жесткая критика патриотического подъема, который вызывает эта команда и который он считает вредным для своего клуба – “Динамо” – и его игроков. Эта критика, однако, выражается в шуточной форме, а патриотизм предстает в карикатурном виде, когда Дмитрий описывает, какому давлению подвергаются футболисты,

отобранные в сборную. Комический эффект от рассказа усиливается серьезностью тона рассказчика:

Их так накручивают: надел майку, на которой написано “Россия”, – ты слохни, но... У них там просмотры фильмов, патриотические песни, артисты приезжают, рассказывают: вот в 45-том году ваши деды своей грудью, без оружия защитили Москву! Они встали на пути танков, их давили гусеницами немецкие фашисты, они проливали свою кровь, а вы их внуки, сыновья, неужели вы уступите, сейчас выйдет против вас какая-то сраная Корея! <...>

У нас после такой промывки мозгов игрок за сборную реально умирает, даже в товарищеском матче, который никому не нужен, против какого-то там Дубая! <...>

Я ненавижу, когда динамовцев приглашают в сборную, они приходят искалеченные, лечатся два-три месяца <...> У нас есть Джуджак, он играет за сборную Венгрии, он сыграл за сборную Венгрии – и еще в лучшей форме пришел. Он спокойно там играет, ему не рассказывают, что за тобой Австро-Венгерская империя, которая 100 лет назад правила миром, что была семья Габсбургов, которая давила Наполеона и все. Ему это не нужно. Он спокойно играет в свой футбол, возвращается в хорошем настроении, получив хорошую разрядку, новые впечатления, возвращается довольный и прекрасно играет. Или другой игрок, сборной Румынии или Швеции, они нормальными людьми возвращаются. А у нас возвращается игрок из сборной – какой-то покалеченный психопат! (Я смеюсь. – *Е.Г.*) Я тебе серьезно говорю! У нас Кокорин начал играть в сборной, это кошмар какой-то! Ему надо два-три матча, просто чтобы восстановиться от того, что с ним там сделали! (Я опять смеюсь. – *Е.Г.*) Ты зря смеешься, так и есть!

Здесь в особенности высмеивается обращение к истории как источнику гордости. Героизм Советской Армии в годы Второй мировой войны, важная составляющая патриотического дискурса российской власти (*Laruelle 2010; Koustova 2013*), описывается в преувеличенной манере (“грудью Москву защищали”). Это же преувеличение относится к рассказу Дмитрия о негативном влиянии патриотизма (“покалеченные психопаты”, “кошмар”, “я серьезно”). Использование гиперболы подчеркивает осязаемое Дмитрием несоответствие между навязанным патриотическим дискурсом и спортивными целями, которые кажутся незначительными и совершенно оторванными от дискурса (“товарищеский матч, который никому не нужен”, “против какого-нибудь Дубая”). Тем самым критике подвергаются как патриотические чувства, так и политизация футбола.

Национальная сборная как зеркало общества. Среди названных причин нежелания болеть за национальную сборную часто встречаются упоминания о коррупции, с ней связанной. Многие говорили о том, что слабость сборной объясняется тем обстоятельством, что игроков в нее отбирают не по заслугам, а исходя из той цены, которые их агент готов заплатить селекционеру. Независимо от того, правда это или нет, критика в адрес сборной является выражением более общего протеста как против коммерциализации футбола, так и против высокого уровня коррупции в стране. В интервью национальная сборная служит еще одним примером того, что коррупция присутствует во всех сферах жизни общества, в т.ч. и в футболе. Часто говорилось о том, что это именно российская особенность (“такое только у нас бывает”, “больше ни в одной стране за это не платят, только у нас”). Шансы российской сборной получить хорошие результаты на чемпионате мира в Бразилии в 2014 г. оценивались достаточно пессимистично⁹. Этот пессимизм сопровождался отсутствием иллюзий относительно будущего страны. В этом смысле национальная сборная становится зеркалом российского общества, на нее люди проецируют свои опасения или надежды.

Валерий, фанат “Спартак” (около 40 лет), признался, что ничего не ждет от национальной сборной. Он объяснил, что нет смысла возлагать надежды на команду, для которой победа не является главной целью. В подтверждение своих слов он рассказал

о коррупции, с которой сам сталкивается в своей профессиональной деятельности в качестве спортивного тренера. Этот личный опыт подвел его затем к более общим критическим суждениям, касающимся недостатков российского общества. Подчеркнем, однако, что в речах Валерия, как и других болельщиков, говоривших о том же самом, недовольство коррупцией очень редко выливается в критику политической власти, как правило, речь идет о более абстрактных объектах, таких как “российское общество” или “наша страна”.

Еще один пример того, как дискурс по поводу национальной сборной производит обобщения на основе частных случаев из личной жизни, содержится в следующем фрагменте интервью с Василием. Последний объясняет, что сборную чаще поддерживают болельщики мелких региональных клубов, слава которых невелика, и развивает эту тему следующим образом:

У меня есть друг, который болеет за клуб второго дивизиона. Я ему говорю: “Почему ты за них болеешь? Они же никогда в первый дивизион не выйдут?” Он мне говорит: “В детстве я этого не понимал, а полюбив в детстве, я уже сейчас не могу отказаться, я уже привык”. (Те. он болеет по привычке.) “Ну, ты же понимаешь... вы на каком месте сейчас идете?” — “На первом.” “Ты же понимаешь, что они сейчас продадут кучу матчей и останутся на третьем месте, чтобы не выйти?” — “Ну да, так и будет.” — “А ты же с ними вместе в баню ходишь, в кабак!” (Там просто другие отношения, там обычные люди в футбол играют, а не боги, они вместе ходят в одни бары.) Он мне говорит: “Они же наемные работники, сказали: продайте сегодня матч, — они проиграют.” Я не могу этого понять. Если бы я жил бы в регионах, на такую порнографию созерцать... Я бы тоже, наверно, болел бы за сборную (смеется. — Е.Г.). Хотя бы иллюзиями питаешься. В регионах — там так: решили, что сейчас в высший дивизион выйдет команда из Мордовии, что мы там продвигаем регион, или выйдет команда из Дагестана, потому что там какая-то ситуация нездоровая, надо бы там людям создать положительный фон, завлечь молодежь в футбол. Кстати, у них хорошо получилось, да, молодцы, вывели команду по политическим принципам в высший дивизион. <...> Хорошо это или плохо — не знаю. Люди там, типа, решили глобальные задачи, как решают политики там, решает Владимир Владимирович Путин геополитические задачи в Украине, умирают полно людей от этих геополитических задач, но он решает задачи большой нации, огромной страны, наверно, это плохо, главное нам про это не знать, что он решает ценой жизни какие-то задачи, так же и здесь. Вывели дагестанцев, объяснили им, что они по спортивным принципам вышли, ничего, что какая-то часть людей знает, что они не по спортивным принципам вышли. <...> В масштабах России — да, потому что я хочу, чтобы Россия была сильной, единой страной. А деться они от нас никуда не денутся, отделить, выгнать не получится. Не нужно это никому, поэтому, соответственно, надо как-то с ними ужиться, надо, чтобы этот регион стал менее депрессивным, более перспективным, может быть <...> Поэтому за сборную болеют традиционно больше в регионах.

Переход аргументации на уровень обобщений происходит в этом фрагменте несколько раз. Рассказав конкретный случай, Василий сначала указывает на то, что он воспринимает как политическое использование футбола в регионах. Так, связь между футбольными и политическими задачами установлена (“по политическим соображениям”). Далее возникает вопрос о целесообразности такой связи. Василий открыто говорит о критериях, на основании которых он отвечает на этот вопрос. Эти критерии лежат не в плоскости морали (“хорошо это или плохо — не знаю”), но в плоскости достижения поставленных целей (“люди решили глобальные задачи”). Следующим шагом делается вывод об имманентности такого подхода политической деятельности (“как решают политики”). Затем этот критерий оценки распространяется на сферу внешней политики и на роль России в украинском конфликте. Ясно вырисовываются два противоположных и потенциально конфликтных видения ситуации, разделенные в дискурсе многочисленными противопоставлениями (“но”, “с другой стороны”, “ничего, что...”).

В этой ситуации наш собеседник вновь делает выбор не в пользу той позиции, которая основывается, в его понимании, на морали (“наверное, это плохо”) и руководствуется ценностью человеческой жизни (“умирают полно людей”), отдавая предпочтение перспективе, которую можно охарактеризовать как “реалистическую”, ориентированную на решение “геополитических задач”. Поставив таким образом точку в этом споре, Василий возвращается к внутренней и региональной политике, в частности — к политике по отношению к Северному Кавказу. В его речи политическое использование футбола оправдано как средства сохранения единства страны, снижения напряженности и предотвращения сепаратизма.

* * *

Таким образом, дискурс по поводу национальной футбольной сборной может не только конструировать особое отношение к родине, к государству и к политической власти, но и формулировать критерии оценки политических действий. Этот дискурс позволяет идентифицировать и определять форму и содержание патриотизма, а иногда и высмеивать его. Шуточный и игровой характер некоторых высказываний о политике требует, конечно, не переоценивать их значение. Тем не менее обращение болельщиков к политическим проблемам указывает на проникновение последних в общественное сознание. В этом смысле футбольные темы участвуют в политизации дискурса, вынуждая болельщиков ставить перед собой более широкий круг политических вопросов и занимать ту или иную позицию по спорным проблемам.

Перевод с французского Е.И. Филипповой

Примечания

¹ Оттесненные полицией участники демонстрации смогли прорваться в метро, где напали на лиц “неславянской внешности”. В ходе беспорядков был убит гражданин Киргизстана и около 30 человек ранены.

² В своем понимании футбольного фанатизма мы отталкиваемся от этнографических исследований, проливающих свет на символическую функцию футбола (а именно на то, как он может продуцировать смыслы), а также описывающих многообразие форм поддержки команды (см.: *Armstrong 2008; Giulianotti 2002*). Под футбольным фанатизмом мы понимаем *совокупность действий, опыта и особых форм коммуникации, связанных с поддержкой определенной футбольной команды, которая приобретает символическое и идентификационное измерение*.

³ Культура в широком смысле — как “система символических форм, соединяющих деятельность, опыт и понимание, структурируемая отношениями с другими подобными системами, развивающаяся и переопределяющаяся согласно этим отношениям” (*Martin 2001: 121*). О концепции футбола как культурного объекта см. работы К. Бромберже, описывающие, каким образом футбол становится символической матрицей, элементом культуры, позволяющим судить о структурах общества, об эволюции и чаяниях составляющих его индивидов (*Bromberger 1995, 2001*).

⁴ Приводимые в статье цитаты представляют собой расшифровку аудиозаписей, сделанных автором. Интервью, записанные без диктофона, не цитируются, а пересказываются или резюмируются. Имена респондентов изменены, чтобы гарантировать им анонимность.

⁵ Речь идет о конце 1970-х — 1980-х годах; первые организованные группы фанатов в СССР появились в 1973—1974 гг. Поэтому мы включили в выборку активных фанатов этого периода.

⁶ О роли спорта в идентификации болельщиков с нацией см.: *Hobsbawm 2006: 317—319*.

⁷ По поводу реабилитации символов родины в современной России см.: *Laruelle 2010: 243—247*.

⁸ О противоречиях между патриотизмом и гражданственностью, привязанностью к стране и поддержкой официальной идеологии см.: *Le Huérou 2015: 34—36*.

⁹ В момент записи интервью в апреле 2014 г. двое болельщиков были уверены, что сборная России проиграет Бельгии и не выйдет из группы, что в итоге и произошло.

Научная литература

- Илле А.М.* Футбольный фанатизм в России: фандвижение и субкультура футбольных фанатов // Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга / Ред. В. Костюшев. СПб: Норма, 1999. С. 154–173.
- Козлов А., Никитина А., Назарова А., Баранов К., Гнездилова О.* Ксенофобия в молодежной среде. Доклад по результатам мониторинга. Отчет. М.: Московская Хельсинкская группа, 2009.
- Мамедов В.А., Деккерт В.В.* Футбольные хулиганы. Челябинск: Юридический институт МИД РФ, 2006.
- Шнирельман В.А.* Чистильщики московских улиц. Скинхеды, СМИ и общественное мнение. М.: Академия, 2010.
- Armstrong G.* Football Hooligans: Knowing the Score. Oxford: Berg, 2008.
- Balestri C., Grasselli G., Dembowski G., Diener S.* Racism, Football and the Internet. Vienne: European Monitoring Centre on Racism and Xenophobia, 2002.
- Bodin D., Robène L., Héas S.* Le football à l'épreuve du racisme et de l'extrémisme: un état des lieux en Europe // Le Football à l'épreuve de la violence et de l'extrémisme / Eds. T. Busset, Chr. Jaccoud, J.-P. Dubey, D. Malatesta. Lausanne: Editions Antipodes, 2008. P. 29–66.
- Bromberger C.* Football, la bagatelle la plus sérieuse du monde. Paris: Editions Bayard, 1995.
- Bromberger C.* Le Match de football. Ethnologie d'une passion partisane à Marseille, Naples et Turin. Paris: Maison des sciences de l'homme, 2001.
- Daucé F., Laruelle M., Le Huérou A., Rousselet K.* Les usages du patriotisme en Russie // Question de recherche. 2006. No. 31. P. 1–31.
- Duchesne S., Haegel S.* Entretien dans la cité ou comment la parole se politise // Espace-Temps. 2001. No. 76 (76–77). P. 95–105.
- Edelman R.* A Small Way of Saying “No”: Moscow Working Men, Spartak Soccer, and the Communist Party, 1900–1945 // The American Historical Review. 2002. No. 107 (5). P. 1441–1474.
- Elias N., Dunning E.* Sport et civilisation: la violence maîtrisée. Paris: Fayard, 1986.
- Gaxie D.* Appréhension du politique et mobilisations des expériences // Revue française de science politique. 2002. No. 52 (2). P. 145–178.
- Giulianotti R.* Supporters, Followers, Fans, and Flaneurs: A Taxonomy of Spectator Identities in Football // Journal of Sport and Social Issues. 2002. No. 26 (1). P. 25–46.
- Hamidi C.* Eléments pour une approche interactionniste de la politisation. Engagement associatif et rapport au politique dans des associations locales issues de l'immigration // Revue française de science politique. 2006. No. 56 (1). P. 5–25.
- Hobsbawm E.* Nations et nationalisme depuis 1780: programme, mythe, réalité. Paris: Gallimard, 2001.
- Hobsbawm E.* La production de masse des traditions // L'invention de la tradition / Eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Paris: Editions Amsterdam, 2006. C. 279–324.
- Hourcade N.* L'engagement politique des supporters “ultras” français. Retour sur des idées reçues // Politix. 2000. No. 13 (50). P. 107–125.
- Koustova E.* La Russie en quête d'une histoire nationale // Revue internationale et stratégique. 2013. No. 92 (4). P. 65–73.
- Laruelle M.* Le nouveau nationalisme russe. Paris: Editions de l'œuvre, 2010.
- Leca J.* Le repérage du politique // Projets. 1971. No. 71. P. 11–24.
- Le Huérou A.* Where Does the Motherland Begin? Private and Public Dimensions of Contemporary Russian Patriotism in Schools and Youth Organisations: A View from the Field // Europe-Asia Studies. 2015. No. 67 (1). P. 28–48.
- Martin D.-C.* Pratiques culturelles et organisation symboliques du politique // Cultures politiques / Réd. D. Cefaï. Paris: PUF, Collection “La politique éclatée”, 2001. P. 117–135.
- Mignon P.* Supporters ultras et hooligans dans les stades de football // Communications. 1998. No. 67. P. 45–58.

Research Article

Gloriozova, E. The Construction of Political Representations around the Football Team of Russia [Konstruirovaniye politicheskikh predstavlenii vokrug futbol'noi sbornoi Rossii]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 2, pp. 44–57. ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Nauka Publishers

Ekaterina Gloriozova | <http://orcid.org/0000-0003-1129-4756> | eglorioz@ulb.ac.be | Université libre de Bruxelles, CEVIPOL (44, avenue Jeanne, 1050, Bruxelles)

Keywords:

Russia, national football team, football clubs, football fans, identification, politicization

Abstract:

The article is drawn on semi-structured interviews with Muscovite football fans of “Spartak”, “Dynamo”, “Torpedo” and “TsSKA”, conducted in 2014. Based on the concrete case of the relation towards the national football team, this article aims at analyzing its role in the construction of relations toward politics and its expression in the football sphere. First, the article shows how the support towards the national team can act as a catalyst for patriotic feelings. Second, it focuses on how the relation to the national team can lead to the construction of a critical political discourse.

DOI: 10.7868/S0869541518020045

References

- Armstrong, G. 2008. *Football Hooligans: Knowing the Score*. Oxford: Berg.
- Balestri, C., G. Grasselli, G. Dembowski, and S. Diener 2002. *Racism, Football and the Internet*. Vienne: European Monitoring Centre on Racism and Xenophobia.
- Bodin, D., L. Robène, and S. Héas 2008. Le football à l'épreuve du racisme et de l'extrémisme: un état des lieux en Europe [Confronting Football with Racism and Extremism: A State of Art in Europe]. In *Le Football à l'épreuve de la violence et de l'extrémisme* [Confronting Football with Racism and Extremism], edited by T. Busset, Chr. Jaccoud, J.-P. Dubey, and D. Malatesta, 29–66. Lausanne: Editions Antipodes.
- Bromberger, C. 1995. *Football, la bagatelle la plus sérieuse du monde* [Football, the World's Most Serious Bagatelle]. Paris: Editions Bayard.
- Bromberger, C. 2001. *Le Match de football. Ethnologie d'une passion partisane à Marseille, Naples et Turin* [The Football Match: Ethnology of the Passion of Football in Marseille, Naples and Turin]. Paris: Maison des sciences de l'homme.
- Chnirelman, V.A. 2010. *Tchistil'chtchiki moskovskih ulitz. Skinhedy, SMI i obchtchestvennoe mnenie* [Moscow's Street Cleaners. Skinheads, Media and Public Opinion]. Moscow: Academia.
- Daucé, F., M. Laruelle, A. Le Huérou, and K. Rousselet 2006. Les usages du patriotisme en Russie [The Uses of Patriotism in Russia]. *Question de recherche* 31: 1–31.
- Duchesne, S., and F. Haegel 2001. Entretiens dans la cité ou comment la parole se politise [Interviewing the Suburbs or How the Discussion Politicizes]. *Espace-Temps* 76 (76–77): 95–105.
- Edelman, R. 2002. A Small Way of Saying “No”: Moscow Working Men, Spartak Soccer, and the Communist Party, 1900–1945. *The American Historical Review* 107 (5): 1441–1474.
- Elias, N., and E. Dunning. 1986. *Sport et civilisation: la violence maîtrisée* [Quest for Excitement: Sport and Leisure in the Civilizing Process]. Paris: Fayard.
- Gaxie, D. 2002. Appréhension du politique et mobilisations des expériences [Understandings of Politics and the Mobilization of Social Experiences]. *Revue française de science politique* 52 (2): 145–178.
- Giulianotti, R. 2002. Supporters, Followers, Fans, and Flaneurs: A Taxonomy of Spectator Identities in Football. *Journal of Sport and Social Issues* 26 (1): 25–46.
- Hamidi, C. 2006. Eléments pour une approche interactionniste de la politisation. Engagement associatif et rapport au politique dans des associations locales issues de l'immigration [Toward

- Different Forms of Political Participation: Local Ethnic Voluntary Associations Involvement and Political Relationships among Local Immigrant Associations]. *Revue française de science politique* 56 (1): 5–25.
- Hobsbawm, E. 2001. *Nations et nationalisme depuis 1780: programme, mythe, réalité* [Nations and Nationalism Since 1780: Programme, Myth, Reality]. Paris: Gallimard.
- Hobsbawm, E. 2006. La production de masse des traditions [Mass-Production Traditions]. In *L'invention de la tradition* [The Invention of Tradition], edited by E. Hobsbawm and T. Ranger, 279–324. Paris: Editions Amsterdam.
- Hourcade, N. 2000. L'engagement politique des supporters "ultras" français. Retour sur des idées reçues [The Political Commitment of French Supporters "Ultras". Return to Set Ideas]. *Politix* 13 (50): 107–125.
- Ille, A. 1999. Futbolnyi fanatism v Rossii: fandvijenie i subkultura futbolnyh fanatov [Football Fandom in Russia: The Fan Movement and the Football Fans Subculture]. In *Molodejnye dvizhenia i subkultury Sankt-Peterburga* [Youth Movements and Subcultures in St. Petersburg], edited by V. Kostiuhev, 154–173. St. Petersburg: Norma.
- Kozlov, A., A. Nikitina, A. Nazarova, K. Baranov, and O. Gnezdilova. 2009. *Ksenofobiia v molodezhnoi srede. Doklad po rezul'tatam monitoringa* [Xenophobia in Youth Environment. Monitoring Results]. Moscow: Moskovskaia Khel'sinskaia gruppa.
- Koustova, E. 2013. La Russie en quête d'une histoire nationale [Russia in Search for a National History]. *Revue internationale et stratégique* 92 (4): 65–73.
- Laruelle, M. 2010. *Le nouveau nationalisme russe* [New Russian Nationalism]. Paris: Editions de l'œuvre.
- Laruelle, M. 2007. La xénophobie et son instrumentalisation politique en Russie. L'exemple des skinheads [Xenophobia and Its Political Instrumentalization in Russia. The Example of Skinheads]. *Revue internationale et stratégique* 4 (68): 111–119.
- Leca, J. 1971. Le repérage du politique [Tracking the Political]. *Projets* 71: 11–24.
- Le Huérou, A. 2015. Where Does the Motherland Begin? Private and Public Dimensions of Contemporary Russian Patriotism in Schools and Youth Organisations: A View from the Field. *Europe-Asia Studies* 67 (1): 28–48.
- Mamedov, V.A., and V.V. Dekkert. 2006. *Futbol'nye khuligany* [Football Hooligans]. Cheliabinsk: Yuridicheskii institut MID RF.
- Martin, D.-C. 2001. Pratiques culturelles et organisation symboliques du politique [Cultural Practices and Symbolical Organization of the Political]. In *Cultures politiques* [Political Cultures], edited by D. Cefaï, 117–135. Paris: PUF, Collection "La politique éclatée".
- Mignon, P. 1998. Supporters ultras et hooligans dans les stades de football [Ultras Supporters and Hooligans in Football Stadiums]. *Communications* 67: 45–58.